ГЛАВА 1

ОРКА

Год 297-й, Эпоха Мира

— Смерть — это часть жизни, — шепнула Орка на ухо сыну. Несмотря на то что Брека уже отвел руку назад, крепко сжимая ясеневое копье маленькими пальчиками, побелевшими от напряжения, и острие наконечника было направлено прямо в оленя перед ними, мать видела нерешительность в глазах сына, в том, как нервно он сжимал челюсти.

«Он слишком нежен для этого мира, полного боли», — подумала Орка. Она уже раскрыла было рот, чтобы отругать его, но тут ее предплечья коснулась рука. Огромная, в то время как рука Бреки была совсем небольшой, покрытая грубой кожей в тех местах, где кожа сына была совсем гладкой.

— Погоди, — выдохнул Торкель, и слово это осело капельками тумана на его бороде, заплетенной в косички. Он стоял слева от жены, крепкий и огромный, словно валун. Мышцы на шее Орки натянулись и до боли напряглись, ибо жестокие слова были уже совсем близко, в горле...

В суровом мире нужны суровые слова.

Но в последний момент она прикусила язык.

Весенний солнечный свет падал на землю, просачиваясь между тихонько покачивающимися ветвями деревьев. Он отражался от пятен обледенелого снега — последних следов, что оставила в высокогорном

лесу уходящая зима своими поцелуями. Дюжина оленей мирно паслась на поляне, и толстобрюхий самец присматривал за самками и оленятами, что жевали мох и лишайник, обдирая его со столбов и валунов.

И тут во взгляде Брeки что-то изменилось. Он на мгновение затаил дыхание, а затем последовало быстрое движение: резкий разворот бедер и взмах руки. Копье полетело вперед: острый железный наконечник с шипением разрезал воздух. В груди Орки полыхнула гордость. Отличный бросок. Едва только кулак Брeки разжался и копье взлетело, Орка поняла: оно попадет в цель.

Но в тот самый миг, когда мальчик бросил копье, назначенный целью олень поднял голову от ствола, с которого объедал лишайник. Чуткие уши затрепетали, зверь прянул вперед, и все стадо вокруг него пришло в движение: олени ринулись прочь, огибая деревья и перепрыгивая препятствия. Копье Брeки вонзилось в ствол, и древко задрожало. Мгновение спустя с восточной стороны послышался громкий треск ломающихся ветвей, и из подлеска на поляну проломилась чья-то громадная фигура, чудовище с аспидно-черной шерстью и длинными когтями. Олени разбегались во все стороны, а зверь метался между ними и, казалось, вовсе их не замечал. Кровь хлестала из множества ран на его теле, длинные зубы блестели, красный язык болтался тряпочкой, а потом... он вмиг исчез, растворился в лесных тенях.

— Что... кто это был? — прошептал Брека, широко распахнув глаза. Взгляд его метался от Орки к Торкелю и обратно.

— Волк-ужас, — хмыкнул Торкель и двинулся вперед, будто позабыв о скрытности, что нужна во время охоты. Он начал продираться сквозь подлесок на поляну, сжимая в кулаке копье с толстым древком. Ветви громко трещали под его напором. Орка и Брека шли следом. Добравшись до места, Торкель опустился на одно колено, стянул зубами перчатку, коснулся капель волчьей крови на траве кончиками пальцев, а затем облизал их. Сплюнул, поднялся и отправился по кровавым следам на край поляны, а там замер, вглядываясь в туман.

Брека подошел к своему копью, наконечник которого наполовину вошел в сосновый ствол, и попытался вытащить его. Напрягся

всем телом, однако копье не шелохнулось. Он посмотрел на Орку снизу вверх: серо-зеленые глаза на бледном грязном лице, прямой нос и сильная челюсть, волосы цвета воронова крыла — так похож на своего отца и так не похож на саму Орку. Кроме глаз. У него были материнские глаза.

— Я промахнулся, — сказал он, и плечи его поникли.

Орка ухватилась за древко рукой в перчатке и высвободила застрявший наконечник.

— Да, — ответила она, протягивая Броке его копье, на половину руки короче, чем у нее и у Торкеля.

— Твоей вины в том нет, — отозвался Торкель с края поляны. Он все еще вглядывался в темноту. Толстая коса из черных, пронизанных седыми прядями волос выглядывала из-под вязаной шерстяной шапки, кончик носа подергивался. — Их спугнул волк-ужас.

— Почему же он не убил ни одного из тех оленей? — спросил Брека, забирая у Орки свое короткое копье.

Торкель поднял руку, демонстрируя окровавленные кончики пальцев:

— Его заботили раны, а не возможность поужинать.

— Но кто... или что могло сделать это с волком-ужасом?

Орка направилась к противоположному краю поляны, настороженно сжимая копье, — туда, где в подлеске виднелась черная дыра, из которой вырвался наружу волк. Замерла, склонив голову. Вдалеке послышался еле слышный звук, просочился сквозь лес, подобно туману.

Кто-то кричал.

Брека присоединился к матери. Он вцепился в копье обеими руками и указал им в темноту.

— Торкель, — проворчала Орка, обернувшись и глядя через плечо на мужа. Тот все еще стоял и смотрел вслед раненому волку. Бросив в темноту последний долгий взгляд и пожав плечами, на которых топорщилась меховая накидка, он наконец развернулся и пошел к ней.

Снова послышались крики, далекие, слабые. Орка с Торкелем обменялись взглядами.

— В той стороне ферма Асгрима, — сказала она.

— Харек, — пробормотал Брека, вспомнив про сына Асгрима. Они вместе играли на берегу реки в Феллуре, когда родители отправлялись в деревню выменивать провизию.

Еще один крик, слабый и будто бесплотный, донесся сквозь деревья.

— Нам следует взглянуть, что там, — пробормотал Торкель.

— Хех, — проворчала Орка, соглашаясь.

Пока они пробирались через сосновый лес по пружинящему мягкому ковру из опавших игл, дыхание их собиралось в облачка тумана над головами. Уже наступила весна, и в низинах новая жизнь вовсю заявляла о себе, но за эти лесистые холмы зима все еще цеплялась цепенеющими руками, словно сгорбленный старый воин, не желающий отпускать собственное прошлое. Они шли гуськом: Орка впереди, настороженно глядя то на оставленный волком след, то на глубокие тени по сторонам тропы. А потом старый подмерзший снег захрустел под ногами, деревья расступились, и они оказались на горном хребте, что круто обрывался на западе отвесными скалами. Над головами по синему небу тянулись рваные полосы облаков. Орка посмотрела вниз и увидела тонкие столбы дыма: они поднимались от очагов в Феллуре, лежавшем далеко внизу. Деревня рыбаков притаилась на восточном берегу глубокого сине-черного фьорда, спокойные воды которого поблескивали под лучами бледного солнца. Над ним кружились и кричали чайки.

— Орка, — позвал Торкель, и она остановилась, обернувшись к мужу.

Тот как раз откупорил кожаную флягу с водой и протягивал ее Броке, который раскраснелся и вспотел, несмотря на горную прохладу.

— У него не такие длинные ноги, как у тебя, — криво усмехнулся Торкель сквозь бороду (шрам, змеящийся через щеку к челюсти, перекручивал улыбку).

Орка оглянулась на тропу, по которой они пришли, и прислушалась. Крики уже давно не были слышны, поэтому она кивнула Торкелю и потянулась к своей фляге с водой.

Несколько мгновений они сидели на большом валуне, вглядываясь в зеленые и синие земли внизу, будто боги на вершине мира. К югу, за Феллуром, фьорд расширялся и переходил в морскую береговую линию, изгибающуюся на запад, а затем на юг, изрезанную заливами и узкими ущельями. Облака стального цвета громоздились над водой, грозя снегопадом. На севере же тянулась зеленая горная цепь со снежными вершинами, от горизонта до горизонта, с востока на запад. То тут, то там под лучами солнца поблескивали скалы. Древние «ребра» горного хребта издалека казались мазками серой краски.

— Расскажи мне еще раз про змея Снаку, — попросил Брека, когда они все вместе глядели на горы.

Орка ничего не ответила, будто всё ее существо занимал волнистый горный хребет перед глазами.

— Если бы я решил поведать тебе эту сагу, малыш, твой нос и пальцы за время рассказа совсем замерзли бы. А когда ты встал бы, чтобы идти дальше, пальцы на ногах затрещали бы, словно льдинки, — ответил Торкель.

Но Брека продолжал смотреть на него своими серо-зелеными глазами.

— Ах, ты же знаешь, что я не могу отказать этому взгляду, — проворчал Торкель и вздохнул, выпуская изо рта облачко пара. — Ладно, если вкратце...

Он стащил вязаную шапку с головы и почесал макушку.

— Всё, что ты видишь пред собой, — это Вигрир, Поле Битвы. Земля павших королевств. Каждый клочок земли между морем и теми горами, и еще на сотню лиг за ними... Это место, где боги сражались и гибли, и Снака был отцом для всех них, и некоторые говорят — величайшим из всех.

— И уж точно самым большим, — пробормотал Брека: глаза круглые, а голос — серьезнее не бывает.

— Кто рассказывает эту историю, ты или я? — спросил Торкель, приподняв черную бровь.

— Ты, отец, — ответил Брека, склонив голову.

Торкель фыркнул.

— Конечно, Снака был самым большим. Он ведь был самым старым, отцом богов. Они называли его Старейшим, он вырос чудовищно огромным, каким и ты мог бы вырасти, если бы ел досыта каждый день с момента рождения мира. Но и дети его были не лыком шиты. Орел, Медведь, Волк, Дракон и множество других. Родич пошел на родича, собственные дети убили Снаку, и он пал. И когда он умер, мир раскололся на части, целые королевства были уничтожены, взлетели на воздух или были смыты морскими волнами. Эти горы — всё, что от него осталось, и теперь его кости покрыты землей, что он расколол своим падением.

Брека присвистнул сквозь зубы и покачал головой:

— Великое, верно, было зрелище.

— Хех, парень, верно. Когда боги начинают войну, в ней нет места пустякам. Их крах привел к гибели всего мира.

— Хех, — согласилась Орка. — И когда Снака пал, открылась Бездна Везен, и все те сильные, когтистые, зубастые существа, что прежде обитали в нижнем мире, были допущены в наши земли, в наше небо и море.

С места, где они сейчас сидели, мир выглядел чистым и нетронутым, прекрасной, искусно сложенной мозаикой: золотой, зеленой, синей...

Но Орка знала, что на самом деле история этого мира была сагой, насквозь пропитанной кровью.

Она посмотрела направо и увидела на земле багровые капли, что отмечали след раненого волка. И представила, как эти капли расширяются, превращаются в красные лужи, брызжет кровь, падают призрачные тела, изрубленные, изломанные, звенят в воздухе крики...

Это кровавый мир. Мир зубов, и когтей, и острого железа. Мир кратких жизней и мир смертей, полных боли.

Тут она почувствовала на плече ладонь Торкеля. Он протянул руку над головой Бреки, чтобы коснуться жены.

Резко выдохнув, Орка моргнула и издала длинный нервный стон, гоня прочь образы смерти.

— Это был хороший бросок, — сказал Торкель, постукивая копьем Бреки о флягу с водой и все еще не отрывая взгляда от лица Орки.

— Но я же промахнулся, — пробормотал Брека.

— Я тоже промахнулся во время моей первой охоты, — ответил Торкель. — И мне было уже одиннадцать лет, а тебе всего десять. И твой бросок был лучше моего. Это волк украл твою славу. Верно, Орка?

И он взъерошил Броке волосы большой ладонью.

— Это был неплохой бросок, — согласилась Орка, глядя на облака, плывущие с востока. Западный ветер гнал их сюда, и пах он снегом и пронизывающим холодом, что будто захрустел в ее груди ледяными осколками. Орка резко встала и направилась дальше, закупоривая флягу с водой.

— Расскажи мне еще про Снаку! — крикнул ей вслед Брека.

Орка замерла.

— Неужели ты так быстро позабыл о своем друге Хареке? — спросила она, нахмурившись.

Брека потупил глаза, встал и последовал за матерью. И Орка повела их дальше, обратно под своды соснового леса, где звуки вновь стали пугающе приглушенными, мир вокруг будто сжимался, вдоль тропы скользили тени, а люди взбирались все выше по склону. И пока они шли, облака закрыли солнце, мир стал серым и холодный ветер зашипел среди ветвей.

Когда подъем стал круче, Орка стала использовать копье как посох. Теперь она взбиралась по скользким камням, похожим на ступени, вдоль белой пенящейся реки. Ледяная вода плескала на тропу и просачивалась сквозь сапоги и скуты. Прядь светлых волос выбилась из косы Орки, и она нервно заправила ее за ухо. А потом замедлила шаг, вспомнив, что у Броки еще ноги коротки так скакать по камням, — замедлила, несмотря на то что кровь ее будто кипела и заставляла мышцы дрожать от напряжения. Опасность всегда действовала так на Орку.

— Приготовься, — проговорил сзади Торкель, а потом Орка и сама учуяла это.

Железный привкус крови на губах, вонь вывернутых кишок.

Скверный запах смерти.

Тропинка вывела на плоскогорье, где деревья были повалены и стволы очищены от веток. Показались большая хижина с травяной крышей

и несколько хозяйственных построек, прилепившихся к каменному склону. Вокруг домов тянулся частокол, высотой поболе, чем Орка.

Ферма Асгрима.

К востоку от фермы вилась вниз по холмам дорога, ведущая, должно быть, к селению Феллур и фьорду.

Орка сделала несколько шагов и замерла, воздев копье. Тем временем Торкель и Брека тоже поднялись на плато.

Широкие ворота в центре частокола были распахнуты, и между створками на земле лежало тело со скрюченными руками и ногами, неестественно неподвижными. Одна из створок поскрипывала на ветру. Орка услышала, как Брека со свистом выдохнул сквозь зубы.

Она узнала в лежащем Асгрима по широким плечам и шевелюре цвета серого металла. Одна из его рук, густо поросшая волосами, торчала из разорванного рукава рубахи.

На щеку Орки опустилась снежинка, одарив кожу щекочущим поцелуем.

— Брека, держись сзади, — сказала она и зашагала вперед.

С трупа Асгрима поднялись вороны, оглашая воздух жалобным карканьем, разлетелись и расселись на верхушках деревьев. А один устроился на столбе, что держал ворота, наблюдая за людьми.

Пошел снег, и ветер закружил его по плоскогорью.

Орка подошла и посмотрела на Асгрима. Он был одет в шерстяную рубаху и штаны, в плащ из хорошего меха, на одном из запястий виднелся браслет из тусклого серебра. Волосы его были седы, тело — худое и жилистое, сквозь дыры на одежде виднелись мощные мускулы. Один сапог слетел. Рядом лежало копье с треснувшим древком, чуть дальше — окровавленный боевой топор. В груди Асгрима зияла дыра, и шерстяная рубаха потемнела от запекшейся крови.

Орка опустилась на колени, подняла оружие и вложила его в ладонь Асгрима, прижав окоченевшие пальцы к топорищу.

— Отправляйся по дороге душ с оружием в руках, — прошептала она.

За спиной у Орки раздался неровный вздох сына. Это был первый человек, которого Брека увидел мертвым. То ли дело животные. Он помогал забивать зверей, чтобы поджарить туши на ужин, помогал

потрошить их и снимать шкуры, вымачивать сухожилия для шитья, дубить кожу для сапог, что носила его семья, выделывать ремни и ножны для охотничьих ножей.

Но видеть смерть другого человека, жизнь которого оторвали от тела, — это нечто совсем иное.

По крайней мере, если видишь это впервые.

К тому же этого человека Брека знал раньше. Видел в нем искру жизни, когда она еще горела.

Орка дала сыну несколько мгновений на то, чтобы просто стоять и глядеть широко раскрытыми глазами на труп. Грудь Бреки часто вздымалась, дыхание было прерывистым.

Земля вокруг Асгрима была взрыхлена, а трава примята. На ней виднелся нечеткий отпечаток подошвы. В нескольких шагах от него уже почти впиталась в траву лужа крови. Следы вели в сторону. Похоже, здесь кого-то тащили по земле.

То есть Асгрим кого-то забрал с собой.

— Это он кричал? — спросил Брека, все еще глядя на труп.

— Нет, — ответила Орка, глядя на рану в груди Асгрима.

Удар прямо в сердце: смерть наступила быстро. И хорошо, ведь падальщики уже успели ободрать тело. Глаза и губы превратились в кровавые раны под клювами воронов. Орка поднесла руку к лицу Асгрима и приподняла то, что осталось от его губ, чтобы заглянуть в рот. Десны и пустые лунки из-под зубов с кровяными сгустками. Она нахмурилась.

— Где его зубы? — прошептал Брека.

— Тут побывали теннуры, — проворчала Орка. — Они любят человеческие зубы сильнее, чем белка — орехи.

Она быстро оглянулась по сторонам, осматривая деревья и скалы в поисках любых признаков присутствия этих мелких двуногих существ. Поодиночке они могли доставлять неудобства, а толпой — быть смертельно опасными с их острыми костистыми пальцами и зубами, что режут словно бритва.

Торкель обогнул Орку и вошел внутрь частокола, водя острием копья по широкой дуге в поисках возможного врага.

Затем остановился и уставился на скрипучую створку ворот.

Орка перешагнула через Асгрима и остановилась рядом с Торкелем.

К воротам было прибито тело: руки широко раскинуты, голова безвольно болтается. Идрун, жена Асгрима.

Она умерла не так быстро, как муж.

Ее живот был распорот, и кишки вывалились на землю скрученным клубком, словно лозы, оплетающие ствол старого дуба. От них все еще поднимался пар, а на блестящие витки ложился снег. Ее лицо было искажено гримасой боли.

Так вот кто кричал.

— Кто сотворил такое? — пробормотал Торкель.

— Везен? — предположила Орка.

Торкель указал на ворота, где виднелась основательно вырезанная руна, состоящая целиком из острых углов и прямых линий:

— Защитный знак.

Орка покачала головой. Руны способны сдержать многих, но не самых могущественных чудовищ из Бездны Везен. Она оглянулась на Асгрима, вновь посмотрела на рану в его груди. Мало кто из везен пользовался оружием, природа и так наделила их инструментами для того, чтобы резать и убивать. На траве виднелись темные пятна: засохшая кровь.

Кровь на топоре Асгрима. Кого-то он сумел ранить, но если они и пали, то их отсюда унесли.

— Это сделали люди? — прохрипел Торкель.

Орка пожала плечами, выдохнула облачко тумана и скривилась:

— Всё это ложь, — промурлыкала она. — Они называют это веком мира, ибо древняя война закончилась и боги умерли, но если мир таков...

Она подняла голову к небу, посмотрела на тяжелые низкие облака, на падающий хлопьями снег и снова опустила взгляд к окровавленным трупам.

— Это век бурь и убийств.

— А где Харек? — тихо спросил Брека.